

Е. Н. КВИЛИНKOVA
(Кишинев)

ИДЕНТИЧНОСТЬ ГАГАУЗОВ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

В настоящее время проблема идентичности стала одной из наиболее актуальных не только в психологии, но и в этнологии. Это связано с глобализационными процессами, которые сопровождаются стремлением «малых» и «больших» этносов к сохранению народных традиций, своего духовного наследия. Сложные социальные и этнические процессы, протекающие в современном обществе, ведут к росту национального самосознания и неизбежно способствуют пробуждению исторической памяти народа. Для малых народов задача сохранения своего культурного наследия в условиях «культурной» глобализации — это вопрос выживания этноса в буквальном смысле этого слова.

Указанные процессы в немалой степени затронули и гагаузский этнос. В результате исторического развития гагаузы оказались разделенными на отдельные группы. Общая численность гагаузов на территории бывшего СССР — 200 тыс. человек. Они живут в Молдове, в Украине, России, Казахстане. За рубежом они довольно компактно проживают на территории Болгарии, Греции, Румынии¹.

Из всех перечисленных групп самой многочисленной являются гагаузы Молдовы — около 150 тыс. человек. В 1989 году они самопровозгласили Гагаузскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (ГАСССР) в составе МССР. Последовавший за этим длительный процесс переговоров с представителями молдавских властей привел к созданию в 1994 году на легитимной основе Автономного территориального образования Гагауз Ери в составе Республики Молдова.

¹ Данные о численности гагаузов за рубежом со ссылкой на официальные источники отсутствуют.

В задачи данной статьи не входило решение вопроса о происхождении гагаузов. В работе рассматривается ряд проблем, связанных с идентификацией и идентичностью различных групп гагаузов, проживающих на территории Молдовы, Болгарии, Греции. При этом мы вполне осознаем вероятную дискуссионность многих высказываемых здесь положений, что связано с неполнотой имеющихся в настоящее время сведений о гагаузах. Поэтому сделанные в статье выводы имеют предварительный характер. Исследование проведено на основе полевых этнографических материалов, собранных автором, и архивных источников, хранящихся в Национальном архиве Республики Молдова. Некоторые моменты были освещены нами в ряде предыдущих публикаций [Квилинкова 2005; Квилинкова 2006, 98—103; Квилинкова 2006а, 341—363; Квилинкова 2006б, 48—55; Квилинкова 2007, 375—441].

Рассмотрение указанных вопросов представляет значительную сложность ввиду того, что до XIX века термин «гагаузы» в качестве этнонима не зафиксирован. Основная масса гагаузов, переселившихся в конце XVIII — начале XIX века с Балканского полуострова в Бессарабию, в русских официальных источниках обозначалась под общим названием «задунайские поселенцы» или «болгарские переселенцы». В большинстве своем они идентифицировали себя с болгарами, а определенная их часть — с греками.

Вопрос об этногенезе гагаузов до настоящего времени остается дискуссионным. Согласно исследованиям значительной части болгарских и некоторых постсоветских ученых (И. Титоров, Е. Боев, И. Градешлиев, Ж. Стаменова, И. Мешерюк и др.), гагаузы — это отуреченные болгары, которые в результате османского господства утратили свой родной язык (т. е. болгарский), но сохранили религиозную принадлежность (христианство). Мысль о том, что гагаузы — это остатки средневековых турок-сельджуков (турецкая теория) отстаивали Г. Баласчев, В. Зайончковский и др. Русский этнограф В. А. Мошков, а также современные российские и

молдавские ученые (М. Н. Губогло, Н. А. Баскаков, С. С. Курогло, М. В. Маруневич и др.) придерживаются гипотезы о тюркских корнях в этногенезе гагаузов (от различных северотюркских кочевых племен, осевших на Балканах в XI—XIII веках). Эту же точку зрения разделяет украинский ученый А. В. Шабашов и молдавский этнограф О. К. Радова, но при этом они особо выделяют роль протоболгарского компонента в формировании гагаузского этноса.

В последнее время в научной литературе довольно часто используются понятия «этническое самосознание», «этническое сознание», «этническая идентичность». Многими исследователями были высказаны различные положения о содержании этих терминов (Э. Г. Александренков, Б. Е. Винер, М. Н. Губогло, Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко, В. Ю. Хотинец, Л. М. Дробижева, А. Р. Аклаев и др.) [Александренков 1996, 14—20; Винер 1998, 18; Солдатова 1998, 43; Хотинец 1999, 69 и др].

В словаре по социальной психологии дается следующее определение понятия «этническая идентификация»: это — «отождествление, уподобление себя членам данной этнической группы...». И далее: она «является результатом процесса этнической социализации и означает осознание индивидом своей этнической принадлежности, приобщение к ее этническим признакам, а также принятие индивидом статуса и роли данной этнической общности» [Крысько 2003, 381—382].

Некоторые исследователи включают в понятие «идентификация» этническую идентичность и процесс ее формирования, другие же, напротив, разделяют их. Например, Л. М. Дробижева, А. Р. Аклаев, Г. У. Солдатова и др. в структуре этнической идентичности, наряду с рядом элементов, выделяют еще и поведенческий компонент, понимая его как реальный механизм не только осознания, но и проявления себя членом определенной группы.

Этническое самосознание рассматривается российскими учеными как важная составляющая понятия «этнос». Тер-

мин «этничность» трактуется С. Е. Рыбаковым как «отражение в сознании групповых родственных связей и в конечном итоге свойство человека конвертировать данные связи в культурное и социальное единство» [Рыбаков 2003, 22]. Многие ученые, исследовавшие формы проявления этнической идентичности, отмечали трудности, связанные с выработкой определения самого понятия этничности, что объясняется его дуализмом. Видимо, по этой причине некоторые авторы оставляют этот термин совсем без определения. Понятие «этничность» используется ими «как данное», но в сочетании с определенным кругом терминов и концепций. Помня о дискуссионности указанных терминов, тем не менее, попытаемся выявить некоторые составляющие этнической идентификации у различных групп гагаузов, прежде всего, у бессарабских и болгарских гагаузов.

Одним из важных признаков проявления «этнической идентичности» является осознание индивидом своей этнической принадлежности к определенному этносу, отождествление себя с ним и обособление от других этносов. Однако в определенных исторических условиях этническое самосознание некоторых малочисленных (или малых) народов бывает не вполне четко выражено.

В настоящее время идентификация себя только с одним этносом характерна лишь для гагаузов Молдовы и юга Украины (Одесской области), для наименования которых в науке используется термин «бессарабские гагаузы». Для этнического самосознания гагаузов, проживающих на территориях других государств, характерна двойная самоидентификация. Гагаузы Болгарии, Приазовья и Северного Кавказа, Казахстана официально идентифицируют себя, главным образом, с болгарами, а гагаузы Греции — с греками (называют себя *урум*, т. е. греки) [Квилинкова 2006, 98—103; Квилинкова 2006б]. Сегодня по отношению к гагаузам Болгарии и Греции, вероятно, можно говорить о том, что причисление себя к иным этническим общностям (болгары и греки)

в определенной степени является одной из форм проявления гражданственности. Однако данное явление не столь однозначно, как может показаться на первый взгляд. В недалеком прошлом часть гагаузов Северо-Восточной Болгарии, так называемые причерноморские гагаузы, идентифицировала себя с греками. Кроме того, для представителей других указанных групп гагаузов, проживающих на постсоветском пространстве, также характерен принцип двойной самоидентификации (болгары-гагаузы), который не совпадает с их гражданской принадлежностью.

Для такого способа идентификации вполне допустимо, на наш взгляд, использовать понятие «двойная этничность», под которым понимается осознание индивидом собственной принадлежности одновременно к двум этносам. Так называемые биэтносы идентифицируют себя в той или иной степени с двумя этническими группами. Это свидетельствует о том, что они либо не придают своей этнической принадлежности особого значения, либо для них очень важны обе этнические принадлежности. Отметим, что за исключением бессарабских гагаузов представители других групп этого этноса идентифицируют себя биэтнически по собственной инициативе и, главным образом, лишь тогда, когда им задают зондирующий вопрос.

Факт «двойной этничности», имеющий место у перечисленных групп гагаузов, делает необходимым рассмотрение некоторых моментов, связанных с вопросом их самоидентификации в современный период и в недалеком историческом прошлом. В процессе сбора полевого материала автор данной статьи обратила внимание на то, что у бессарабских гагаузов, с одной стороны, и гагаузов Болгарии и Греции — с другой, наполнение термина «гагаузы» имеет определенные различия. У первых он выступает в качестве этнонима; у вторых — обозначает принадлежность к этнокультурной группе, так как по национальной принадлежности они включают себя в более широкие этнические общности — болгары и греки.

По определению С. А. Арутюнова, «этническая общность — это, прежде всего, общность, связанная определенной общей культурой в самом широком понимании этого слова» [Арутюнов 1989, 51]. Этнокультурные различия между болгарами и гагаузами обозначены болгарским ученым И. Градешлиевым с помощью таких понятий как «болгарская народность» и «болгарская этнокультурная общность», граница между которыми чрезвычайно размыта [Градешлиев 1995, 378].

Полевой материал показывает, что гагаузы Болгарии используют принцип двойной самоидентификации. При записи паспортных данных информаторов (с их слов) на вопрос «национальная принадлежность» они отвечали «гагаузы». При углубленной беседе мы задавали вопросы, направленные на выявление возможных различий в традиционной обрядности гагаузов и болгар. Информаторы, как правило, не выделяли каких-либо обычаев или обрядов, которые подчеркивали бы этнические особенности их традиционной культуры: «*Мы гагаузы, но мы также и болгары*» или «*Мы болгары, но одновременно мы и гагаузы*» [ПМА, Болгария]. Восприятие ими своей «гагаузскости» при сравнении с болгарами связано, главным образом, с использованием гагаузского языка, а при сравнении с турками — с принадлежностью к христианству. Таким образом, для гагаузов роль этнического маркера играет сочетание принадлежности к христианской религии с использованием языка, относящегося к тюркской группе и близкого языкам мусульманских народов.

По нашим наблюдениям, гагаузское самосознание более ярко проявляется у тех представителей гагаузов Болгарии, которые компактно проживают в сельской местности. При этом немалое значение имеет общая численность жителей села, удаленность его от главных путей сообщения и др. Например, в наиболее крупном по численности селе Болгарево довольно часто можно услышать гагаузский язык (что характерно и для села Генерал Кантарджиево). Название современного торгового заве-

дения, в котором фигурирует слово «гагауз» («Механа при гагауза»), находящегося в центре села Болгарево, вероятно, можно рассматривать как одну из форм проявления этнической идентичности у отдельных представителей гагаузов Болгарии. В последние годы в селах Генерал Кантарджиево, Кичево и др. были созданы «гагаузские музеи» (как их называют информаторы), в которых представлены экспонаты, демонстрирующие особенности традиционной бытовой культуры жителей этих сел.

Собранные нами сведения дают основание говорить о том, что у информаторов гагаузских сел Болгарии этническая идентичность личности проявляется в осознании себя представителем определенного этноса, отождествлении в некоторой степени себя с ним и обособлении от других этносов. В качестве этнических черт, отличающих гагаузов от болгар, информаторы исследованных нами гагаузских сел Болгарии отмечали также некоторые трудно выявляемые психические особенности: гагаузы по характеру более открыты, чем болгары, но в то же время им свойственна и несколько большая эмоциональность, темпераментность, вспыльчивость, упрямство. Таковы основные характеристики самооценки гагаузов. Здесь же информаторы акцентировали внимание на сохранении у гагаузов традиции ношения при себе холодного оружия — ножа (*бычак*) [ПМА, Шопов К. С.; Тодоров Д. Д.; Тодоров П. К.].

Данные, приведенные чешским историком К. Иречком и болгарскими исследователями Д. Тодоровой, В. Тоневым подтверждают результаты наших полевых материалов. К. Иречек отмечал, что в характере гагаузов на первом месте стоит упорность, упрямство (*инатът*), горячность; другой внешней отличительной чертой, по его мнению, является «особый огонь в глазах» и др. Наряду с этим в прошлом у гагаузов на Балканах имел место обычай кровной мести (вендетта) [Иречек 1889, 233—234; Иречек 1974, 890—891]. Аналогичные сведения находим и у указанных болгарских исследователей: гагаузские мужчины отличаются горячим и мсти-

тельным нравом; они всегда носят с собой нож, который нередко используют при выяснении отношений [Тодорова 1988, 148; Тонев 2000, 325—326]. Определенные различия в характере и поведении гагаузов и болгар фиксировали также некоторые исследователи XIX — начала XX века [Зашук 1862, 520; Мошков 2004, 10; и др.].

Наряду с этим хотелось бы отметить, что у разных групп гагаузов имеются различия в идентификации своего языка. В настоящее время бессарабские гагаузы называют свой язык *гагаузча*² (гагаузский). Начало употребления ими данного определения по отношению к родному языку, вероятно, относится к концу XIX — началу XX века. При этом оно использовалось наряду с названием *туркчя*, под которым они понимали, по-видимому, диалект турецкого языка. При этом его не смешивали с турецким. Согласно приведенным В. А. Мошковым сведениям гагаузы Бессарабии в конце XIX — начале XX века называли свой язык «то турецким “турк”, то гагаузским, в некоторых случаях исключительно турецким». Но при этом, как отмечал исследователь, они различали собственный язык и язык турок-осман, говорящих «по-османски» [Мошков 2004, 19]. В официальных же документах язык бессарабских гагаузов называли турецкий или турецкое наречие [НА РМ, ф. 205, оп. 1, ед. хр. 4156; ф. 205, оп. 1, ед. хр. 4153; ф. 205, оп. 1, ед. хр. 2556. л. 19, 108; 21; Кёппен 1861, 63; Державин 1937, 80].

В определенной степени более активное употребление термина «гагаузча» для обозначения родного языка связано, на наш взгляд, с изданием в начале XX века религиозным деятелем и просветителем М. М. Чакиром религиозных книг на гагаузском языке (Псалтырь, Евангелие и др.) на базе латинской графики. И лишь полвека спустя, в 1957 году была введена гага-

² В связи со сложностью воспроизведения некоторых символов при напечатании текста мы использовали в статье не латинскую графику для написания терминов, как официально принято в Гагаузской автономии, а кириллический алфавит.

узская письменность (на базе кириллицы), издан первый учебник по гагаузской грамматике. Данное событие, безусловно, способствовало активизации процесса идентификации собственного языка как гагаузского. Однако, как справедливо отмечает М. Н. Губогло, введение письменности «вряд ли оказало бы сколько-нибудь заметное влияние на формирование этнической идентичности гагаузов, если бы вслед и благодаря письменности не появилась бы художественная литература, воздействующая на рост самосознания не только с помощью слова и логики, но и благодаря пробуждаемым чувствам и душевным озарениям» [Губогло 2004, 135]. Полевые исследования, проведенные нами в гагаузских селах Молдовы в начале XXI века, показали, что некоторые информаторы старшего возраста (80—90 лет) продолжали называть свой язык *тюркчя*: «*Сян нердян тюркчейи билерсин?*» («Ты откуда знаешь по-тюркски?») [ПМА, Пулукчу П. Г.].

Гагаузы Болгарии редко используют для своего языка название *гагаузча*. В основном они называют его *тюркчя*, но противопоставляют турецкому языку *аслы тюркчя* (дословно — настоящий турецкий) [ПМА, Моканов Т. Д.; Райчев К. И.]. При вопросе, можно ли с вами пообщаться на гагаузском, некоторые из них отвечали, что не знают этого языка, поскольку не связывали свой язык с данным названием. Сведения о разделении гагаузами Болгарии собственного (гагаузского) и турецкого языка приводятся также болгарским ученым Ж. Стаменовой [Стаменова 2000, 18].

Аналогичная картина характерна и для гагаузов Греции, которые разграничивают свой язык и турецкий: *гагауз тюркчясы* и *тюркчясына* [ПМА, Великис В. Г.]. Не исключено, что первое название родного языка они использовали только при разговоре с бессарабскими гагаузами, чтобы подчеркнуть различия между турецким и гагаузским языками.

Согласно мнению ряда ученых язык причерноморских гагаузов Болгарии близок к диалектам турецкого языка

тюркоязычного населения Балканского полуострова [Мошков 2005, 29—32; Покровская 1997, 40; Державин 1937, 83—85; Градешлиев 1994, 82]. Еще большее турецкое влияние, особенно в области лексики, проявляется в языке гагаузов Греции [ПМА]. Однако, как мы уже отмечали, для всех групп гагаузов характерно разграничение собственного языка и турецкого, под которым, по-видимому, понимают турецкий язык, употребляющийся в современной Турции.

Поскольку язык является одним из главных этнодифференцирующих признаков, важно рассмотреть его роль и функциональную значимость для гагаузов в различные исторические периоды. Для этого необходимо решить другой спорный вопрос: были ли они в основной своей массе двуязычны при переселении в Бессарабию? Болгарские ученые придерживаются точки зрения о билингвизме гагаузов [Занетов 1933, 121—144; Матеева 1999, 103—110]. Однако архивные данные не дают оснований для однозначных утверждений. Обнаруженные нами архивные материалы в определенной степени позволяют осветить лишь некоторые моменты, связанные с этническим самосознанием гагаузов в XIX веке и их предполагаемым двуязычием (о чем будет сказано ниже), а также высказать предположение, что окончательное становление этнической идентичности гагаузов происходило на территории Бессарабии. Данная гипотеза подтверждается тем, что при переселении на территорию Бессарабии из-за Дуная (в конце XVIII — начале XIX века) гагаузы идентифицировали себя по принципу двойной этничности: болгары-гагаузы и греки-гагаузы [НА РМ, ф. 44, 205, 208]. В конце XIX века гагаузы Болгарии продолжали причислять себя к иным этническим общностям — «греки» и «болгары», что видно из высказывания К. Иречека: «Дать общее число гагаузов очень трудно, так как часть из них выдают себя за греков, часть — за болгар» [Иречек 1889, 233].

Свидетельствами деления балканских гагаузов на этнографические группы являются лексические и фонетиче-

ские особенности, сохранившиеся в языке бессарабских гагаузов. Ряд исследователей (К. Иречек, В. А. Мошков, Н. С. Державин, Л. А. Покровская и др.) отмечали, что по происхождению гагаузы в прошлом подразделялись на *хасыл гагауз* — настоящие гагаузы или приморские гагаузы и *булгар гагауз* — болгарские гагаузы [Покровская 1983, 147—148; Покровская 1997, 32—41]. Последние, согласно приводимым Н. С. Державиным сведениям, сочувствовали болгарам, женились на болгарках, и по домашнему быту, обрядам, песням, именам собственным и родственной терминологии ничем не отличались от болгар; первые же всегда сторонились болгар и солидаризировались с греками [Державин 1937, 83—84]. По данным К. Иречека, приморские гагаузы (или греческие гагаузы) отличались от болгарских гагаузов по языку и по некоторым элементам традиционной культуры. В бытовом отношении первые сходны с турками: мужчины у них едят отдельно от женщин; последние не показываются в комнате при посторонних и т. п. [Иречек, 1889, 234].

В основе отмеченных различий лежало деление гагаузов, проживавших на территории Болгарии, на две враждебные партии — болгарофильскую и грекофильскую. В качестве главной причины этого деления профессор К. Иречек указывал на «зависимость гагаузов от их соседей в столь важном деле как религия и образование» [Цит по: Мошков 1900, 3]. Известно, что на Балканах гагаузы пользовались караманлийской религиозной литературой, написанной на турецком языке греческими буквами. Согласно данным того же ученого турецкая письменность «неизвестна гагаузам Болгарии; собственного богослужебного языка они не имеют, а потому в их церквах служат либо по-болгарски, либо по-гречески, и только проповеди произносятся на турецком языке. Языком школьным являются также языки болгарский или греческий» [Мошков 1900, 3].

При сборе полевого материала в гагаузских селах Болгарии мы стали свидетелем того, как информатор из

села Болгарево С. К. Томова, гагаузка по происхождению, четко отграничила себя от так называемых *урумов* (очевидно, гагаузов-греков), проживающих в г. Варне. Интересно отметить, что представительница данной этнографической группы являлась женой ее брата и разговаривала на том же языке, что и информатор, но с некоторыми отличиями [ПМА, Томова С. К.; Штерева Х. А.]. Приведенные сведения, по-видимому, можно рассматривать как следы разделения гагаузов-болгар и гагаузов-греков, в прошлом имевшего место на территории Северо-Восточной Болгарии.

Некоторые данные дают основание говорить о том, что часть православного тюркоязычного населения Балканского полуострова, идентифицируя себя с гагаузами, исходило не только из языковой и конфессиональной общности, но и определенных этнических и культурных особенностей. В этой связи приведем интересный факт, связанный с многозначностью термина «урум»: часть тюркоязычного населения Греции православного вероисповедания, переселившегося из Турции в 1922 году и проживающего совместно с гагаузами (например, в г. Зихна), разделяются по этническому признаку. В то время как первые сохраняют двойную самоидентификацию *урум* и гагауз, то вторые относят себя только к грекам *урум* [ПМА]³.

Сведения об остатках греческого самосознания, сохранившегося у части бессарабских гагаузов до конца XIX века, находим у священника с. Чок-Мейдан К. Малая. Он писал, что «жители издревле христиане — потомки, как сами себя величают, македонян» [Малай 1875, 908]. Исходя из особенностей языка гагаузов Бендерского уезда, а также на основании других данных, В. А. Мошков высказал предположение, что «бендерские гагаузы на своей

³ Многозначность термина «урум», которое у гагаузов обозначает и «греков вообще», и «греков-тюркофонов», отмечалась в работах И. В. Дрона, С. С. Курогло, А. В. Шабашова [Дрон, Курогло 1989, 20; Шабашов 2002, 412—415].

родине принадлежали к грекофильской партии» [Мошков 1900, 3]. Однако данный тезис нуждается в дополнительных исследованиях.

После переселения в Бессарабию гагаузы оказались в иных исторических условиях. То обстоятельство, что все задунайские колонии входили в Кишиневскую епархию Московской митрополии, сделало разделение на гагаузов-болгар и гагаузов-греков (в основе которого лежал, главным образом, принцип принадлежности к болгарофильской или грекофильской партиям) неактуальным. Кроме того, на новой родине у гагаузов отпала необходимость противопоставления себя родственным по языку туркам вследствие прекращения контакта с ними. На территории Бессарабии наличие собственного языка явилось одним из факторов, оказавших влияние на рост этнического самосознания гагаузов, результатом которого была идентификация себя только с одним этносом и отход от принципа двойной самоидентификации. Архивные сведения указывают на начало процесса стирания этнографических различий и усиления внутриэтнической консолидации. Так, в архивном деле за 1816 год имеется прошение **греко-болгарского** общества г. Аккермана о назначении дьячка Иванова С. священником вновь выстроенной церкви. «При оной церкви необходимо иметь нашей нации священника, который бы на нашем **греко-болгарском языке** (выделено нами. — Е. К.) мог бы священнодействовать и внушать нам заповеди Господни» [НА РМ, ф. 205, оп. 1, ед. хр. 1232, л. 1]. Однако духовное начальство формально отнеслось к данной проблеме и не удовлетворило просьбу прихожан.

Довольно продолжительное время после переселения в Бессарабию для гагаузов был характерен принцип двойной самоидентификации, т. е. процесс формирования у них этнического самосознания еще не был окончательно завершен.

Самоидентификация гагаузов в рамках иных этнических общностей рассматривается украинским ученым

А. В. Шабашовым как сознательное действие со стороны всего этноса, в основе которого лежат вполне конкретные мотивы. «Естественно, что гагаузы, поскольку они хотели поселиться в пределах Российской империи, должны были завуалировать свою этничность и даже сами выдумывать свое болгарское происхождение, пока их правовой статус окончательно не закрепился» [Шабашов 2002, 357].

Вряд ли можно отрицать присутствие данного мотива при самоидентификации гагаузов. И все же думается, что он не был основным. Причисление себя к более крупным народам (болгарам и грекам) являлось частью самосознания гагаузов. Формированию в психологии народа принципа двойной самоидентификации во многом способствовали существовавшие на Балканах исторические условия, в которых жили гагаузы. Они противопоставляли себя туркам и включали себя в иные этнические общности по ряду признаков: религиозной принадлежности, значительному сходству в области традиционной культуры, территории проживания и историческим судьбам. Вместе с тем отметим, что на Балканах и в Бессарабии гагаузы старались отделить себя от болгар, поселяясь компактно и основывая по возможности мононациональные села.

Тем не менее, мы не можем безоговорочно согласиться с высказанным О. К. Радовой тезисом о том, что «русская официальная статистика ошибочно определила гагаузов как болгар» [Радова 2006, 271]. Тот факт, что до конца XIX века в официальных документах российская администрация не отделяла гагаузов от болгар, вряд ли правомерно рассматривать исключительно как ошибку местных властей. Этому были и объективные причины: в указанный период гагаузское самосознание не было окончательно сформировавшимся. При оформлении официальных бумаг они идентифицировали себя, главным образом, как болгары или греки, а в быту называли себя гагаузами. Сохранение в течение довольно длительного времени принципа двойной самоидентификации в определенной степени объясняется

также тем, что, будучи православными, гагаузы говорили на языке, обычно присущим мусульманам. В документах сохранились сведения о том, что местное духовенство и прихожане называли гагаузов «татарами нечестивыми», «язычниками», «еретиками» [НА РМ, ф. 208, оп. 5, ед. хр. 2709, л. 7—13; 67; ф. 208, оп. 5, ед. хр. 2638, л. 80-87; ф. 205, оп. 1, ед. хр. 5093, л. 4, 7].

Интересны сведения, приводимые К. Шкорпиллом, из которых следует, что при переписи населения после освобождения Болгарии от турок-осман гагаузы обозначали себя как *стари българи*, а в Бессарабии они называли себя *истински българи*, в отличие от славянских болгар-переселенцев [Шкорпил 1933, 176]. Можно предположить, что использовавшийся гагаузами способ самоидентификации, в основе которого лежал этноним «болгары», основываясь, в определенной степени, на исторической памяти народа. На наш взгляд, он связан с таким историческим понятием как «протоболгары» (которые, как известно, были тюркоязычными) и употреблялся с целью дифференцировать себя от славянских болгар.

Сохранению принципа двойной идентификации гагаузов некоторым образом способствовало местное духовенство и официальные власти, которые в конце XIX века обозначали их как болгары-гагаузы или гагаузы-болгары [НА РМ, ф. 208, оп. 19, ед. хр. 595, л. 1; Малай 1875, 745]. В качестве объяснения имеющихся языковых различий и некоторых культурных особенностей они приводили теорию об отуречивании гагаузов (об их болгарском происхождении), которая, по-видимому, была распространена среди местного населения [Собеседования 1892, 56]. Ввиду того, что использовавшийся ими в быту язык был схож с турецким, во многих официальных документах вплоть до конца XIX века гагаузов обозначали как «болгары, говорящие по-турецки». Отметим, что известные российские лингвисты (Л. А. Покровская, Н. К. Дмитриев) относят гагаузский язык к самостоятельной группе тюркских языков.

На основании имеющихся в архивах документов, позволяющих рассмотреть ситуацию с языковым вопросом в некоторых гагаузских и смешанных гагаузско-болгарских селах, можно говорить о том, что в начале XIX века, т. е. при переселении в Бессарабию, основная часть гагаузов, по-видимому, не владела болгарским языком. Довольно часто встречаются высказывания местных священников о том, что прихожане гагаузских сел разговаривают на турецком языке или наречии [НА РМ, ф. 205, оп. 1, ед. хр. 4156; ф. 205, оп. 1, ед. хр. 4153; ф. 205, оп. 1, ед. хр. 2556, л. 19, 108; Кёппен 1861, 63; Державин 1937, 80]. В отдельных случаях имеются уточнения: «там почти все прихожане разговаривают на турецком языке, а иные вовсе болгарского языка не понимают» [НА РМ, ф. 205, оп. 1, ед. хр. 4153]. Сведения аналогичного содержания, относящиеся к 30-м годам XX века, приведены Н. С. Державиным. Он отмечал, что гагаузы Бессарабии «поют колядки по-болгарски, не зная ни одного болгарского слова» [Державин 2005, 14]. В конце XIX века гагаузы Северо-Восточной Болгарии в основной своей массе также не были двуязычны, что подтверждается данными К. Иречека. Он писал о том, что в Варненском округе мальчики часто пели болгарские песни, не понимая их содержания [Иречек 1974, 890].

Вместе с тем из архивных материалов видно, что после переселения в Бессарабию некоторая часть гагаузов, владеющих азами грамоты, писала и читала на греческом языке. Часть писем и прошений, поданных ими на имя колониетского начальства и в суды в 20—40 годы XIX века, написаны на греческом языке. Нередко встречаются документы, в которых колонисты из гагаузских сел и с характерными гагаузскими фамилиями, подписываясь, использовали буквы греческого алфавита. Важно отметить, что в таких документах, составленных от имени всего сельского общества или от некоторых его представителей, фигурируют колонисты с фамилией Гагауз, владеющие греческим языком и письмом [НА РМ,

ф. 44, оп. 1, ед. хр. 602, л. 13; ф. 44, оп. 1, ед. хр. 343, л. 7].

Можно предположить, что та часть гагаузов, которая при переселении в Бессарабию записывалась греками, при самоидентификации исходила из религиозного признака (принадлежности к грекофильской партии), из культурной близости (важной частью которой было использование греческого языка), и, в определенной степени, из генетического родства с греками. Отметим, что значительное число гагаузских имен и часть фамилий имеет греческое происхождение, например: Йордаки, Панайит, Йипати, Афтения, Афтина, Анаста, Занофия, Доменти; Панаитчу, Урум, Янаки, Маври [Мошков 2004, 195—196], Мавроди, Саранди, Пойрас и др.

В конце XIX века и особенно в начале XX века наблюдается рост этнического самосознания гагаузов. В 1897 году при проведении всероссийской переписи населения численность гагаузов впервые была зафиксирована отдельно от болгар. Приводя данные переписи, академик Н. С. Державин отмечал, что «общее число “турок-гагаузов” на территории Бессарабской губернии было показано 55 790 душ», но при этом «ни сам себя этот народ, ни его соседи никогда не называли и не называют его турками, а всегда гагаузами, иногда булгарами» [Державин 1937, 80—81].

В процессе роста этнического самосознания бессарабских гагаузов значительную роль сыграл язык. С 1905 года, особенно с 1917—1918 годов, заметно увеличивается количество прошений от сельских обществ, главным содержанием которых являлось стремление обеспечить полноценное духовное развитие за счет назначения в их приходы священников, «владеющих их языком». Отметим, что такого рода прошения подавались и раньше, сразу после переселения гагаузов в Бессарабию. Для разрешения «языкового вопроса» сельские общества использовали различные методы борьбы за свои интересы: принимали коллективные решения на общих сходах о назначении в приход «своих» священников (которые, как правило, были выходцами из их же этнической

среды); отказывались выделять плату прежнему священнику и т. д. [НА РМ, ф. 208, оп. 33, ед. хр. 5485; ф. 208, оп. 19, ед. хр. 595, л. 1 и др.]. Очевидно, что данный процесс в известной степени был активизирован революционными событиями в Российской империи, которые сопровождались крестьянским движением национальных окраин. Нередко священники-гагаузы сами просились в гагаузские приходы [НА РМ, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 4963, л. 6, 10, 13, 15, 17, 23, 24, 26, 28, 30, и др.].

Картину формирования этнической идентичности в некоторой степени можно проследить на примере архивных материалов, содержащих сведения о представителях гагаузского духовенства. Так, в конце XIX — начале XX века дядя известного гагаузского религиозного деятеля и просветителя Михаила Чакира — священник Дмитрий Чакир причислял себя к болгарам [Чакир 1899]. В прошении за 1914 год священника села Татар Копчак К. Статова о переводе его в село Кот-Китай по причине материальных трудностей на бывшем месте работы содержатся интересные сведения о его этнической принадлежности. На основании поданных им бумаг он был записан следующим образом: «по нации он гагауз-болгарин». Последнее, возможно, было дописано для того, чтобы аргументировать свою просьбу о назначении в болгарский приход [НА РМ, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 4963, л. 30]. А в прошении М. Грекова за 1918 год о назначении его священником в с. Баурчи в качестве одной из причин приведен следующий аргумент: «я по происхождению гагауз и говорю на их языке...» [НА РМ, ф. 208, оп. 19, ед. хр. 595, л. 1]. Данные записи дают возможность проследить процесс постепенного перехода гагаузов Бессарабии от принципа двойной самоидентификации (гагаузы-болгары) к идентификации себя только с одним этносом (гагаузы).

В различных официальных документах начала XX века все чаще используется термин «гагауз» в значении этнонима [НА РМ, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 4723, л. 8, 54—55, 5581, 83, 343—351; НА

РМ, ф. 208, оп. 4. ед. хр. 4056. л. 19, 21, 29, 106 и др.]. Так, приходы, в которых жили гагаузы, обозначены как «гагаузские» [НА РМ, ф. 208, оп. 5, ед. хр. 3444, л. 78; оп. 5, ед. хр. 3179, л. 819]. Отметим, что если в первой половине XIX века гагаузы фигурировали под названием «болгары, говорящие по-турецки», то в конце этого же столетия в отчетах местного духовенства используется такая форма как «болгары-гагаузы» [Малай 1875, 745].

Что касается вопроса о билингвизме гагаузов (гагаузско-болгарском), то он требует специального исследования. Пока невозможно однозначно ответить на вопрос о том, были ли гагаузы до переселения в Бессарабию двуязычны или же двуязычие существовало только в смешанных гагаузско-болгарских селах и семьях. Приведенные нами выше архивные материалы, относящиеся ко времени переселения гагаузов в Бессарабию (началу XIX века) и после этого, свидетельствуют о том, что в основной своей массе гагаузы все же не владели болгарским языком.

В современный период в Гагауз Ери с большими трудностями, но все же идет процесс возрождения народной культуры и языка. Гагаузский язык, наряду с историей и литературой, преподается в качестве самостоятельного предмета в школах и вузах. Он также сохраняет свою функциональную значимость как язык бытового общения и активно используется разными поколениями.

У гагаузов Болгарии в настоящее время больше используется болгарский язык. Это, по словам информаторов, связано главным образом с расширением системы школьного образования. Сейчас пожилые гагаузы, не владеющие (или слабо владеющие) болгарским языком, встречаются очень редко, например, в селе Генерал Кантарджиево [ПМА, Анастасова Н. С.; Тодорова А. П.]. Использование родного языка, ограниченное кругом людей старшего возраста, свидетельствует о потере им функциональной значимости. Еще большая степень утраты родного языка и элементов традиционной культуры характерна для гагаузов Греции.

Утрате родного языка этими группами гагаузов, возможно, способствовало их двойственное отношение к своему языку. Он нередко воспринимался ими как язык турок-завоевателей, насильственно навязанный им в османский период [ПМА, Каитас А. К., Чобанидис А. С.; Нейков 1985, 281–282]. Подобное восприятие своего языка не характерно для бессарабских гагаузов, возможно потому, что после переселения в Бессарабию контакты с турками прекратились, и, соответственно, исчезла почва для негативного отношения к своему языку. Кроме того, этническое самосознание гагаузов на территории Бессарабии постепенно усиливалось, чему в значительной степени способствовало возрастание роли и значения языка в религиозной и культурной жизни этноса. Вместе с тем постепенно исчезала почва для идентификации себя по принципу двойной этничности (включения в иноэтничную общность — болгары или греки), что связано с определением своего места и роли в пределах того государства, на территории которого они проживали.

В настоящем для старшего поколения гагаузов, проживающих на территориях Болгарии, Греции и др., самоидентификация связана с языковыми особенностями, а также в определенной степени с бытовой, обрядовой сферой, духовной и материальной культурой собственной этнографической группы. Представители среднего возраста свою этничность связывают с некоторыми основополагающими элементами духовной культуры их предков (и в первую очередь с языковыми особенностями), служащими культурными маркерами. Они ощущают себя уже просто болгарами или греками, но имеющими предками представителей определенной этнографической группы. Молодое поколение практически не ощущает бремени маргинальности, так как их родным языком является язык того этноса, к которому они себя причисляют и который составляет национальное большинство той страны, где они проживают. Язык предков для них выступает в роли иностранного.

Из вышеизложенного видно, что этническая идентификация у бессарабских гагаузов и у гагаузов, проживающих на других территориях, проявляется в различных формах. Это объясняется тем, что на протяжении более 200-летнего периода раздельного проживания самосознание гагаузов Балканского полуострова и Бессарабии развивалось разными темпами, в разных социально-исторических условиях. На Балканах в результате противостояния Болгарской и Греческой церковью разделение гагаузов на этнографические группы (болгарские гагаузы и греческие гагаузы) сохранялось до конца XIX — начала XX века. Необходимость же противостоять туркам-османам усиливала консолидацию с едиными по религиозной принадлежности и близкими по культуре болгарами. На территории Бессарабии оба внешних фактора отпали, что способствовало процессу этнической консолидации гагаузов и росту национального самосознания. В конечном итоге ряд объективных причин, а также активная деятельность М. М. Чакира (роль и значение которой в формировании этнического самосознания гагаузов еще не получила должной оценки) привели к идентификации себя под этнонимом «гагаузы». Вопрос о факторах роста этнического самосознания бессарабских гагаузов нуждается в дальнейших исследованиях.

Литература

- Александренков 1996 — Александренков Э. Г. Этнографическое самосознание или этническая идентичность? // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 14—20.
- Арутюнов 1989 — Арутюнов С. А. Народы и культуры. М., 1989.
- Винер 1998 — Винер Б. Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. 1998. № 4.
- Собеседования 1892 — Вне-богослужбные собеседования в приходе с. Кубей, Аккерманского уезда, в связи с кратким очерком религиозно-нравственного состояния прихожан // Кишиневские епархиальные ведомости. 1892. № 3. С. 55—58.
- Градешлиев 1994 — Градешлиев И. Гагаузите. Добрич, 1994.
- Градешлиев 1995 — Градешлиев И. Христианството при гагаузите // Палео-балканистика и старобългаристика. В. Тырново, 1995. С. 373—380.
- Губогло 2003 — Губогло М. Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003.
- Губогло 2004 — Губогло М. Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов. М., 2004.
- Державин 1937 — Державин Н. С. О наименовании и этнической принадлежности гагаузов // Советская этнография. 1937. № 1. С. 80—86.
- Дробичева 1989 — Дробичева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации. М., 1996.
- Дрон, Курогло 1989 — Дрон И. В., Курогло С. С. Современная гагаузская топонимия и антропонимия. Кишинев, 1989.
- Занетов 1933 — Занетов Г. Български народни песни от с. Конгаз, Бесарабия // Списание на БАН. Кн. XLV. № 22. София, 1933. С. 121—144.
- Защук 1862 — Защук А. Материалы для географии и статистики России. Ч. 1. СПб., 1862.
- Иречек 1889 — Иречек К. Няколко бележки върху остатоките от печенези, кумани, както и върху тѣи наречените народи гагаузи и сургучи въ днешна България // Периодическо списание на българско книжовно дружество в Средец, год. VII. кн. 32—33. Средец, 1889. С. 211—241.
- Иречек 1974 — Иречек К. Пътувания на България. София, 1974.
- Квилинкова 2005 — Квилинкова Е. Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии (сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора). Chişinău, 2005.
- Квилинкова 2006 — Квилинкова Е. Н. Некоторые вопросы идентификации и идентичности гагаузов // Ежегодник Института межэтнических исследований АНМ. Т. VI., Chişinău, 2006. С. 98—103.
- Квилинкова 2006а — Квилинкова Е. Н. Религиозность гагаузов и формы проявления религиозной идентичности (по этнографическим и архивным материалам XIX — первой половины XX в.) // Этнографические исследования в Республике Молдова. История и современность. Кишинев, 2006. С. 341—363.
- Квилинкова 2006б — Квилинкова Е. Н. О принципе двойной самоидентификации гагаузов в прошлом и настоящем // Закон и жизнь. Кишинев, 2006. № 11. С. 36—44.
- Квилинкова 2007 — Квилинкова Е. Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев, 2007.
- Кёппен 1861 — Кёппен П. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861.

Крысько 2003 — *Крысько В. Г.* Словарь-справочник по социальной психологии. СПб., 2003.

Малай 1875 — *Малай К.* Приход Чок-Мейдан Бендерского уезда // Кишиневские епархиальные ведомости, 1875. № 20. С. 734—746; № 22. С. 830—843.

Матеева 1999 — *Матеева В.* Поглед върху етноложките изследвания за фолклора на гагаузите // Български фолклор. Кн. 1—2. София, 1999. С. 103—110.

Мошков 1900 — *Мошков В. А.* Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы // Этнографическое обозрение. 1900. № 1. С. 1—135.

Мошков 2004 — *Мошков В. А.* Гагаузы Бендерского уезда. (Этнографические очерки и материалы). Кишинев, 2004.

Мошков 2005 — *Мошков В. А.* Турецкие племена на Балканском полуострове. Кишинев, 2005.

Нейков 1985 — *Нейков Балчо.* Факийско предание. Сборки от народния живот. София, 1985.

Покровская 1983 — *Покровская Л. А.* Об историко-этнических факторах формирования диалектных различий гагаузского языка // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. Л., 1983. С. 147—150.

Покровская 1997 — *Покровская Л. А.* Современный гагаузский язык (курс лекций). Комрат, 1997.

Радова 2006 — *Радова О.* Этническая идентификация задунайских переселенцев и расселение гагаузов в Буджаке (конец XVIII — нач. XIX вв.) // Этнографические исследования в Республике Молдова. Кишинев, 2006. С. 269—288.

Рыбаков 2003 — *Рыбаков С. Е.* Этничность и этнос // Этнографическое обозрение 2003. № 3.

Солдатова 1998 — *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

Стаменова 2000 — *Стаменова Ж.* Гагаузите. Проучвания и обща характеристика // Българска етнология. 2000. Бр. 1. С. 5—24.

Стефаненко 2000 — *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. М., 2000.

Тодорова 1988 — *Тодорова Д.* Преживелици от обичайното право във Варненско // Известия на Народния музей Варна. 1988. Т. 24 (39). С. 142—149.

Тонев 2000 — *Тонев Велко.* Гагаузите и националноосвободителните борби през Възраждането // Българите в Северното Причерноморие. Велико Търново. 2000. Т. 7. С. 325—326.

Хотинец 1999 — *Хотинец В. Ю.* О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосо-

знание // Социологическое исследование. 1999. № 9. С. 69.

Чакир 1899 — *Чакир Д. Г.* Биографический очерк рода и фамилии Чакир. Кишинев, 1899.

Шабашов 2002 — *Шабашов А. В.* Гагаузы. Система терминов родства и происхождение народа. Одесса, 2002.

Шкорпил 1933 — *Шкорпил К.* Материали към въпроса за «съдбата на прабългарите и на северите» и към въпроса за «происхода на днешните българи» // Vizantinoslavica. T. V. Praha. 1933. С. 162—182.

Сокращения

НА РМ — Национальный архив Республики Молдова.

ПМА — Полевые материалы автора, Молдова (1996—2005 гг.), Болгария (2001, 2003 гг.), Греция (2004 г.).

Информаторы

Анастасова Н. С. — Анастасова Никулина Семенова, 1925 г. р., гагаузка; с. Г. Кантарджиево (Болгария).

Каитас А. К. — Каитас Антониос Костадинос, 1926 г. р., гагауз; г. Орестиада (Греция).

Моканов Т. Д. — Моканов Тодор Димитров, 1933 г. р., гагауз; с. Болгарево, ул. 22, № 1 (Болгария).

Пулукчу П. Г. — Пулукчу Пелагея Георгиевна, 1910 г. р., гагаузка; с. Конгаз, ул. Пионерская, № 19 (Молдова).

Райчев К. И. — Райчев Костадин Илиев, 1926 г. р., гагауз; с. Болгарево, ул. 27, № 6 (Болгария).

Тодоров Д. Д. — Тодоров Димитр Димитров, 1921 г. р., гагауз; с. Кичево, ул. 12, № 6 (Болгария).

Тодоров П. К. — Тодоров Петр Костадинов, 1929 г. р., гагауз; с. Кичево, ул. 28, № 4 (Болгария).

Тодорова А. П. — Тодорова Александра Панайотова, 1932 г. р., гагаузка; с. Г. Кантарджиево (Болгария).

Томова С. К. — Томова Стоянка Кирова, 1936 г. р., гагаузка; с. Болгарево, ул. 30, № 6 (Болгария).

Чобанидис А. С. — Чобанидис Андон Ставро 1971 г. р., гагауз; ул. Ефномартири, № 64; г. Орестиада (Греция).

Шопов К. С. — Шопов Костадин Сотиров, 1916 г. р., гагауз; с. Г. Кантарджиево (Болгария).

Штерева Х. А. — Штерева Хриска Атанасова, 1930 г. р., гагаузка; г. Варна, бул. Князь Борис I, № 72 (Болгария).

Великис В. Г. — Великис Васил Георгиев, 1925 г. р. гагауз; г. Зихна (Греция).